

Н. П. Андреев

Проблема истории фольклора

1

Фольклор, как и многие сложные явления действительности, может и должен изучаться различными науками с различных сторон. Фольклорный материал представляет чрезвычайную ценность для историка и, в частности, для историка религий; фольклор составляет одну из областей, изучаемых этнографией; фольклорные тексты являются материалом, над которым работают лингвисты; фольклор интересует историка литературы.

Но особенно тесна связь фольклора с этнографией и с литературоведением. Фольклор — явление быта, нередко (особенно в более ранний период) связанное с религиозными верованиями и с обрядом; этот этнографический характер фольклора несомненно должен учитываться историками литературы при обращении их к фольклорным материалам. Вместе с тем фольклорные произведения по существу своему являются таким же художественным (т. е. данным в образах) отражением действительности, как и литературные; как и литература, фольклор является одновременно художественным отражением и оружием классовой борьбы. Эта внутренняя связь фольклора и литературы проявляется внешне в постоянном взаимодействии их: фольклорные материалы просачиваются в литературу, литературные произведения переходят в область фольклора. Поэтому этнограф, изучающий фольклор, должен учитывать этот литературный характер фольклора, как художественного отражения действительности; иначе он легко допустит ряд ошибок.

Так обычно бывало и до сих пор: изучение фольклора в особенности являлось делом этнографов и историков литературы. Однако, фольклористика занимала всегда несколько особое место и в этнографии и в литературоведении, и, в частности, изучение фольклора велось иначе, чем изучение литературы: изучаются отдельные жанры в их истории, а не история фольклора в целом. И изучение и изложение ведется по разделам: заговоры, былины, свадебные песни и т. п., а не по историческим периодам или формациям.

Такое своеобразие системы изучения и изложения фольклорного материала мотивируется обычно своеобразием самого материала, его специфичностью. Это своеобразие заключается в том, что мы имеем обычно только поздние записи фольклорных текстов, между тем как происхождение соответствующих произведений может относиться к весьма ранним периодам. При

этом фольклорные произведения, живя в устной традиции, не сохраняют своего первоначального текста, а подвергаются постоянным изменениям; таким образом, раннее состояние фольклора может быть только реконструировано нами, и подлинных текстов, относящихся к ранним периодам, мы не имеем. Отсюда и вытекает несомненная трудность изложения сравнительно с историей литературы.

Трудность задачи сомнению не подлежит. Вопрос заключается в том, можем ли мы ее разрешить, и, если можем, то какими средствами, и как именно.

2

Дает ли фольклорный материал возможность построить историю фольклора?

Вопрос этот по существу сводится к другому — а именно: к вопросу о соотношении в фольклоре традиции и новообразований. Если бы фольклорные произведения продолжали существовать именно в том самом виде, в каком они возникли (как литературные), то проблема истории фольклора решалась бы чрезвычайно просто: мы сравнительно легко определили бы, к какому именно периоду следует отнести то или иное произведение или целый разряд произведений. С другой стороны, если встать на ту точку зрения, что каждое фольклорное произведение при новом воспроизведении его подвергается полной и решительной переработке, мы должны будем отказаться от попытки восстановить историю фольклора более или менее конкретно. В этом случае почти весь русский фольклор оказался бы крестьянским фольклором XVIII—XX вв., так как только за это время мы имеем записи, и почти исключительно в крестьянской среде.

Однако в фольклорном материале мы имеем дело с промежуточным положением; фольклорные произведения подвергаются изменениям, но изменения эти различного рода в разных случаях, и в новом тексте сохраняется то в большей, то в меньшей степени традиционная основа его. Конечно, мы не можем и не должны отрицать возможности своего рода революций и катастроф в фольклоре, когда происходит, так сказать, полная перелицовка старого материала, но такие „катастрофы“ не совершаются ежедневно и ежечасно. Более того, можно думать, что в жизни отдельных произведений или целых групп их (жанров) следует различать периоды „живой жизни“, когда эти произведения подвергаются и могут подвергаться значительным (а иногда катастрофическим) изменениям, и периоды, так сказать, законсервированного состояния, когда изменения приобретают сравнительно несущественный характер.

Это обстоятельство дает возможность путем внутреннего анализа самого фольклорного материала устанавливать хотя бы основные вехи исторического развития его: разные произведения хранят в себе следы различных веков возникновения или (как обычно приходится формулировать точнее) формирования их. Не говоря уже о таких случаях, как песни о Степане Разине и т. п. материал, явно связанный с определенными историческими событиями,

мы можем и в других случаях устанавливать хотя бы приблизительные исторические границы, внутри которых возможно формирование данного произведения. При этом (как и всегда при работе с фольклорным материалом) необходимо различать основное, первичное в данном произведении и вторичное. Так, напр., в одной из колядок мы встречаем такие слова:

Как самого господина
Дома нетути,
Дома нетути,
Не случилось:
В Москву съехавши, —
Суды судить,
Суды судить
Да ряды рядить.
Посудивши, порядивши,

Домой едет он.
Он жене-то везет
Кунью шубу, кунью шапочку,
А своим то сынам
По добру коню,
Своим доченькам
По злату венцу,
Своим служенькам
По сапоженькам...

Здесь перед нами достаточно отчетливые следы формирования колядки в боярской среде в московский период. Но, с одной стороны, самая колядка в ином виде могла возникнуть еще гораздо раньше на основе мифологических представлений, во-вторых, эта колядка, оформившаяся в боярской среде, перешла затем в среду крестьянскую и здесь приобрела некоторые новые своеобразные черты. И в тексте в начале дается изображение чудесного терема („Во первом терему — светел месяц, во втором терему — красно солнышко, в третьем терему — часты звездочки“), а в конце — юмористическая просьба („Наша-то коляда ни мала, ни велика, она в двери не лезет, и в окно нам шлет: не ломай, не гибай — весь пирог подавай“). Понятно, что весь подобный текст нельзя рассматривать как однородный.

3

Таким образом анализ самого материала позволяет сделать ряд наблюдений по истории фольклора. Много данных в этом отношении уже накоплено в прежних работах, в особенности в работах представителей так наз. исторической школы. Степень точности наших выводов в этом отношении зависит от степени точности анализа, от умения выделять существенное и характерное. В этом отношении предстоит большая работа по пересмотру накопленных текстов. Вряд ли можно при этом надеяться достаточно четко приурочить каждый текст к определенному периоду, но общие линии развития могут быть намечены довольно определенно.

В этой работе, кроме непосредственного анализа самого материала, мы имеем возможность пользоваться различными вспомогательными данными. Необходимо тщательно собрать всевозможные исторические указания, с помощью которых устанавливается *terminus ad quem*: таковы, напр., упоминания летописи о дружинных певцах и о скоморохах, выпады проповедников против „бесовских“ сказок и песен, постановления церковных и светских властей, сообщения иностранцев (в том числе записи Ричарда Джемса, Коллинса и пр.)

и т. п. материалы. Соответствующие данные неоднократно приводились в специальных работах, но до сих пор они не приведены в систему.

Очень важны показания собственно литературного материала. Наличие заговоров, пословиц, легендарных сказаний в летописях, близость „Слова о полку Игореве“ к былинам (в некоторых отношениях), перевод „Фацеций“ 1681 г. и пр. и пр. доставляют опять-таки опорные пункты для хронологически-исторического приурочения фольклорного материала. Иногда мы можем пользоваться литературным материалом в порядке аналогий (а не прямых указаний), и для этой цели возможно привлекать материал не только русской, но и мировой литературы. Так, напр., в параллель к новеллистическим и анекдотическим произведениям феодального периода для России можно привести французские фавль и немецкие шванки XII—XIII вв. В параллель к фольклорной любовной лирике можно указать развитие любовной лирики в русской литературе XVIII века, и т. п.

Существеннейшее значение имеет привлечение фольклора различных национальностей. Для того, напр., чтобы осветить судьбы русского фольклора в ранний период, от которого у нас нет достаточно четких данных, мы можем воспользоваться фольклорным материалом таких народностей, которые стоят на более ранних ступенях развития. Само собой разумеется, что при этом мы не получим подлинных текстов, но тип фольклорных произведений, характерных для той или иной формации, может быть установлен.

Вообще нужно сказать, что задача восстановления истории фольклора в смысле полной истории, представленной в подлинных текстах, вряд ли может быть разрешена. Мы можем лишь, с одной стороны, установить, что именно в известном нам материале может быть отнесено за счет того или иного определенного исторического периода, с другой — дать общую характеристику фольклора каждого исторического периода, подкрепленную целым рядом данных и иллюстрируемую материалом позднейших записей (и это позднейшее происхождение записей каждый раз должно быть учитываемо).

4

Как же именно рисуется история фольклора в ее общих очертаниях? Думается, что здесь могут быть прежде всего намечены следующие общие положения.

Для каждого данного периода мы должны считаться с материалом, унаследованным от предшествующих периодов; материал этот в большей или меньшей степени изменяется, и необходимо установить степень и характер этих изменений. Отдельные явления прошлого могут исчезать, и, наконец, могут появляться совершенно новые произведения и целые группы произведений. Только следя за всей этой сложной картиной, мы сумеем более или менее полно представить себе состояние фольклора в каждую данную эпоху.

Будет ли эта картина абсолютно полной и точной? Едва ли так для каждой эпохи. Для более ранних периодов естественны некоторые пробелы. Быть может, существовали такие явления в фольклоре, напр., до-классового общества, которые исчезли бесследно, и мы не сумеем восстановить их.

О некоторых явлениях возможно говорить лишь предположительно, устанавливая их существование, но не давая конкретной характеристики; для других возможна и предположительная характеристика; о третьих мы можем говорить значительно увереннее и полнее. С приближением к нашей эпохе наши данные будут становиться все более полными и все более точными.

Таким образом, в истории фольклора окажутся своего рода белые места и туманности. Подрывает ли, однако, это обстоятельство самую идею истории фольклора? Полагаю, что нет. Ведь, и в истории литературы и в самой истории мы встречаемся с таким же явлением; и там есть и белые места и туманности, и все же возможность истории и истории литературы для нас не подлежит сомнению. С развитием самой науки, с уточнением приемов нашей работы наши представления будут становиться и более полными и более точными. В этом отношении самая постановка вопроса об истории фольклора открывает перед нами широкие перспективы развертывания работы.

Какие же преимущества представляет подобная история фольклора сравнительно с традиционной системой изложения по жанрам?

Мы получаем здесь возможность рассматривать фольклор параллельно с историей литературы и объединять фольклорный и литературный материал в общем развитии, что позволяет полнее и глубже осветить процесс развития художественного словесного творчества в целом. Фольклористика тем самым входит органически в группу исторических наук и не занимает в этой группе такого изолированного, „автономного“ положения, как в настоящее время. Классовая борьба в фольклоре рисуется в более четких очертаниях, и исчезает иллюзия какого-то своеобразного единства жанров: становится совершенно ясно, что ни тематически ни по оформлению нельзя объединять вместе все заговоры, все загадки, все обрядовые песни, все сказки и т. д. и т. д. С другой стороны, отчетливее становится единство классового стиля в тот или иной период, так как мы одновременно рассматриваем, напр., крестьянские сказки, крестьянские заговоры, крестьянские пословицы и пр.

Конечно, существо всех этих положений может быть представлено и при обзоре и изучении фольклора по жанрам, но такое рассмотрение по жанрам не дает достаточно четкой систематичности изложения.

5

Против исторического рассмотрения фольклора трудно было бы выставить принципиальные возражения (если не встать на указанную выше точку зрения, будто каждая новая запись есть совершенно новое произведение). Поэтому обычно ограничиваются возражением практического характера: у нас будто бы нет еще достаточно данных для более или менее конкретного построения истории фольклора, а потому изложение окажется схематичным и отвлеченным. Возражение это вообще весьма существенно, в настоящее же время оно звучит особенно грозным предупреждением, так как правительство и партия осудили „абстрактные определения общественно-экономических формаций“, подменяющие „связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами“ (постановление СНК Союза СССР и ЦК ВКП (б)

от 16 мая 1934 г.). Но действительно ли „история фольклора“ окажется в настоящее время совершенно схематичной и отвлеченной, во всяком случае — более схематичной и отвлеченной, чем характеристика фольклора по жанрам? Действительно ли у нас нет конкретных данных для построения истории фольклора, и действительно ли характеристика по жанрам более надежна и более конкретна?

Я считаю преимущества жанровой системы мнимыми; я считаю точно также, что мы можем уже достаточно отчетливо наметить основные линии истории русского фольклора — настолько же отчетливо, насколько отчетливо изучены отдельные жанры. В самом деле! Если, напр., говоря о фольклоре до-классового общества мы вынуждены будем сказать: „Вероятно, еще тогда существовали лирические песни, но характер их нам ближе неизвестен“, то и в характеристике жанра лирических песен (при жанровой системе) мы должны будем сказать то же самое, с иным лишь акцентом: „Вероятно, лирические песни существовали уже и в до-классовом обществе, но каковы именно они были, мы не знаем“. Если в характеристике фольклора эпохи феодализма мы скажем: „Можно думать, что былины оформились к XV—XVI в.“, то такое же предположение мы повторим и в том случае, когда будем давать характеристику жанра былин. Вопрос заключается не в изложении, а в понимании материала: тот, кто считает былины продуктом крестьянского творчества XVII в., конечно, не отнесет их к периоду раннего феодализма, а передвинет в период крепостнический; но совершенно то же самое он сделает и при характеристике былин, как жанра. „Выгода“ получится только в том случае, если совершенно обойти вопросы истории жанров: напр., говорить о современном состоянии былин, о состоянии их по записям XIX, XVIII, XVII вв., но дальше не заходить; иначе без предположений в области фольклора двигаться невозможно. Но нужна ли такая „выгода“?

Если собрать воедино то, что мы уже знаем более или менее твердо по отношению к отдельным жанрам, и привести эти знания в иную систему, вехи истории русского фольклора выступят перед нами, как мне кажется, достаточно отчетливо; вместе с тем отчетливо выступит и целый ряд задач, стоящих перед фольклористикой. Я пытаюсь в дальнейшем в порядке предварительного обзора охарактеризовать эти данные и эти задачи.

6

Историю „русского“ фольклора, конечно, можно вести только с того момента, когда мы можем говорить о „Руси“; но этот „русский“ фольклор вырос не на пустом месте, а на основе того материала, который существовал у древних племен, населявших восточно-европейскую равнину и находившихся в периоде доклассового (частью, может быть, рабовладельческого) общества. Это, так сказать, до-история русского фольклора.

О чем же мы можем говорить с большей или меньшей степенью уверенности (и какова эта степень уверенности) по отношению к фольклору до-классового общества?

Фольклор этого периода носит в особенности ярко выраженный этнографический характер: фольклорные произведения имеют практическое значе-

ние. С полной уверенностью можно говорить о существовании в до-классовом обществе „трудовых песен“. Конечно, нелепо было бы переносить в до-классовый период „Дубинушку“ (даже в самых элементарных ее формах), и, вообще, наши позднейшие тексты „трудовых песен“, как таковые, являются, конечно, более поздними. Этот факт сам по себе и любопытен и характерен: самая природа „трудовых песен“ такова, что они оказываются чрезвычайно неустойчивыми по содержанию. На чем же мы строим нашу уверенность и какие материалы можем привлечь? Здесь в особенности придется опираться на материал других народов, в частности — на материал, богато собранный Бюхером. Эта глава строится, таким образом, не на русском материале. Но и здесь приходится подчеркнуть, что каждый, кто хотел бы дать характеристику „трудовых песен“ в их истории (а не фольклора до-классового общества), оказался бы вынужденным привлечь тот же самый материал других народов.

Иная картина с произведениями магического характера. И здесь мы можем с полной уверенностью говорить о существовании разнообразных магических произведений еще в до-классовом обществе, и опять таки нашу уверенность можно подкрепить ссылками на наблюдения над фольклором различных народностей Африки, Америки и пр. Но здесь мы можем пользоваться уже и показаниями русского материала: в отличие от „трудовых песен“, магические произведения весьма устойчивы (это связано с их значением), и, напр., в позднейших сборниках заговоров мы без особого труда найдем такие тексты, которые по характеру своему достаточно четко сохраняют тип заговоров весьма раннего периода. Конечно, и здесь было бы неосторожно говорить о том, что именно данный текст, слово в слово, может быть возведен к до-классовому периоду, но о подобных текстах мы можем говорить достаточно спокойно. Таковы, напр., некоторые охотничьи и т. п. заговоры. Привлекая подобный материал, мы естественно должны отмечать в нем и черты позднейших изменений, но в основе своей он может быть отнесен именно к периоду до-классового общества. Такая же приблизительно картина и с обрядовыми календарными песнями, а также с обрядовыми песнями свадебными и похоронными (по отношению к свадебной поэзии особенно приходится подчеркнуть необходимость выбора материала: свадебный обряд в целом оформляется позднее и на иной основе).

В порядке предположения здесь возможно и установление некоторой хронологии явлений (конечно, только относительной, а не прямого указания веков). Так, напр., можно думать, что возникновение заговоров — явление более раннее, чем возникновение обрядовой поэзии: к такому предположению приводит уже самая сложность обряда сравнительно с заговором. Далее, можно полагать, что заговоры, первоначально являвшиеся общим достоянием всех членов данного рода, с течением времени становятся достоянием главным образом верхушечной группы (патриархов, старейшин и т. п.); это подтверждается тем фактом, что и впоследствии заговоры (в отличие, напр., от так наз. бытовых песен) не являются достоянием всех и каждого. Впрочем, действительная картина несколько сложнее: есть заговоры, так сказать, общедоступные (каждый охотник может заговорить свое оружие), и есть заговоры, принадлежащие только специалистам.

Относительно свадебных обрядов и песен следует заметить, что они могли появиться только в довольно поздний период, когда между родовыми общинами существовали меновые отношения: отсюда широкое развитие мотивов купли-продажи во всем свадебном обряде.

К периоду до-классового общества следует отнести также возникновение сказок — вернее, таких рассказов, на основе которых развиваются в дальнейшем сказки: в этот период они являются еще рассказами мифологического и магического значения. В этой области должна быть проведена особенно большая работа: необходимо выделить в сказочном материале мифологические и магические элементы, опираясь при этом и на анализ самого материала и на аналогии с фольклором других народностей (так, у целого ряда племен еще сохраняется магическое значение „сказок“). Но сложное оформление многих сказок заставляет относить их в целом за счет более позднего периода.

Приблизительно в том же плане ставится вопрос о загадках (значение которых раскрывается наблюдениями над различными народностями), о пословицах и о детском фольклоре. Значительно темнее (как мне кажется) вопрос о песнях героического, бытового и лирического характера. Здесь наши тексты не дают обычно достаточно твердых опорных пунктов и приходится опираться почти исключительно на показания фольклора других народов (приблизительно повторяется та же картина, что и с „трудовыми песнями“). Сомневаться в существовании подобных типов песен вряд ли возможно, но, повидимому, они претерпели существеннейшие изменения в последующие эпохи (и это стоит в связи с их характером и значением), и позднейшие записи поэтому слишком сильно окрашены в новые цвета.

Таким образом, характеристика фольклора до-классового общества окажется в значительной степени построенной на предположениях; но предположений этих ровно столько же, сколько и в характеристике отдельных жанров, только здесь они сконцентрированы применительно к одному периоду. Конкретным материалом здесь отчасти явится материал позднейших записей русского фольклора, отчасти (и в значительной степени) материал фольклора других народов.

7

С переходом в период феодализма (XI—XVI вв.) почва под нами становится более твердой (в частности, благодаря возникновению письменных памятников). Совершенно ясно, что здесь мы имеем дело уже с классово дифференцированным фольклором, так как само общество является классово организованным. Совершенно ясно также, что с одной стороны в фольклоре феодального периода продолжают существовать (соответственным образом изменяясь) произведения, унаследованные от до-классового общества, с другой — возникают и совершенно новые явления (частично использующие прежний материал).

Можно считать достаточно определенно установленным тот факт, что так наз. „фольклор“ в феодальный период отнюдь не являлся достоянием исключительно трудящихся (т. е. в первую очередь крестьянства, а также

городского ремесленного населения): фольклор жил и в среде господствующего класса феодалов (и светских и духовных — церковников) и в среде городской торговой буржуазии. Об этом достаточно ясно говорят и документальные данные и характер самого материала. Напр., наличие отголосков заговоров и сообщения о волхвах в летописи, существование таких заговоров, как „На царские очи“ (явно боярского характера), описания царских свадеб, отголоски похоронных причитаний в житиях (Бориса и Глеба, Александра Невского и др.) и в „Слове о полку Игореве“ позволяют утверждать, что дружинная, боярская, княжеская и даже царская среда знали подобные произведения и пользовались ими в своем быту.

Отсюда становится понятен и характер, напр., свадебных песен с их любопытнейшим оформлением (князь, княгиня, терем, бояре и пр. и пр.): это оформление создавалось в княжеско-боярской среде. Отсюда же и такая колыдка, как указанная выше, где „господин“ уехал в Москву „суды судить да ряды рядить“ и т. д.

Особо следует отметить воздействие церковников на фольклор. В заговоры и обрядовые произведения широко проникают (часто, правда, поверхностно) церковно-христианские черты — отчасти потому, что сами заговоры, напр., жили в среде церковнослужителей (особенно низших), отчасти вследствие влияния церковной пропаганды на крестьянское и городское население.

В господствующем феодальном классе мы можем отметить и существование сказок. Вернее, можно сказать, что именно здесь сказки оформлялись, как сказки, теряя свое первоначальное собственно мифологическое или магическое значение и приобретая, так сказать, „развлекательный“ характер и, вместе с тем, более сложное оформление: мифологические рассказы превращались в волшебные сказки. Об этом говорят нам и исторические документы (напр., сведения о сказочниках Ивана Грозного), и такие памятники, как церковные проповеди и поучения (напр., известное изображение богача перед сном). Исполнителями сказок для представителей господствующего класса являлись достаточно искусные профессионалы (скоморохи и т. п.) — отсюда и сложная, искусная композиция сказок и их стилистическая украшенность. В связи с этим понятна становится и любовь сказок к изображению среды царей, царевичей и царевен и многие детали феодального быта в них; понятно и возникновение такой, напр., сказки, как о Борме-ярыжке, явно перекликающейся с „Повестью о Вавилонском царстве“ и со „Сказанием о князьях Владимирских“. Вместе с волшебными сказками шло, вероятно, формирование сказок авантюро-новеллистических с такими, напр., излюбленными темами, как женитьба героя на царевне или выход героини замуж за царевича.

Я полагаю, что за счет господствующего класса следует относить и формирование богатырских былин на основе героических песен, существовавших еще в до-классовом обществе. Характер былин (прославление дружинников князя и их подвигов, самое изображение обстановки и героев) достаточно ясно указывает на связь их с княжеско-дружинной средой; конкретно исторические и географические данные отводят нас преимущественно к южной Руси XI—XIII вв. Надо думать, что в древнейший период былины жили только в среде господствующих классов и не были известны крестьянскому населению Киевской

Руси; вот почему они не сохранились на юге, а передвинулись вместе с центром политической жизни на север. К XV—XVI вв. формирование былин, повидимому, уже закончилось: новые былины почти не создаются, в Московской Руси продолжают существовать почти исключительно прежние былины, связанные с Киевом и с князем Владимиром. И здесь, в Московской Руси, былины продолжают оставаться достоянием главным образом специалистов, обслуживающих господствующий класс; широким массам населения они еще неизвестны.

Когда в XVI в. внутри класса феодалов обострилась борьба между старой феодальной знатью (боярством) и служилым дворянством, былины несомненно использовались и соответственным образом перерабатывались в целях этой борьбы. Но достаточно острым оружием они все же не являлись, и на смену им пришли так наз. исторические песни, в которых особенно ярко проявляется борьба эпохи Ивана Грозного.

Церковно-феодалная линия, помимо воздействия на заговоры и обрядовую поэзию, проявляется в формировании легенд и духовных стихов, для которых (так же, как и для былин) использовался нередко более ранний материал мифологического характера. В параллель можно указать развитие христианской легенды на Западе.

С городской буржуазной средой (в которой бытовали, как можно думать, и заговоры — есть, напр., заговоры торговые — и обрядовые произведения, и волшебные сказки) можно связывать былины (песни) новеллистического характера (в особенности такие, как о Садко или о госте Терентии), многие новеллистические сказки, а также анекдоты. Характерные в этом отношении данные представляет западно-европейская литература (фабльо, шванки, новеллы).

Слагателями, исполнителями и оформителями обрядовых и пр. песен, сказок, былин в среде господствующих классов являлись, как отмечено выше, специалисты-профессионалы. Я полагаю, что этим объясняется и богатое, искусное оформление материала и (хотя бы отчасти) широкое использование международного материала.

В крестьянской среде несомненно продолжали существовать трудовые песни, заговоры, обрядовая поэзия, сказки, пословицы, загадки. Здесь фольклор крепче сохранял свой этнографический характер, а самое оформление произведений обычно было, конечно, значительно проще. Фольклор господствующих классов оказывал свое воздействие на крестьянство частью непосредственно, частью через промежуточный слой городского (посадского) населения. Отсюда, напр., проникновение княжеско-боярских черт в обряд крестьянской свадьбы, отсюда „царский“ характер крестьянских сказок, отсюда легенды и духовные стихи у крестьян.

Но, конечно, крестьянство не механически усваивало материал господствующего класса: материал этот перерабатывался, изменялась его направленность; многое создавалось вновь, и именно в крестьянской среде. Так, напр., волшебная или новеллистическая сказка приобретала особый оттенок, так как героем или героиней ее становились крестьянин или крестьянская девушка (любопытным памятником этого является, напр., „Повесть о Петре и Февронии“, в значительной мере построенная на сказочном материале). Интересны

в этом отношении такие сказки, как „Горшеня“, или сказки, сообщаемые Коллинсом об Иване Грозном (о награжденном Грозным „лапотнике“, о Грозном и воре).

Легенды и духовные стихи в крестьянской среде приобретали ярко выраженный „двоеверный“ характер, а иногда острие свое обращали прямо против церковников и церкви (такова, напр., легенда о праведнике, согрешившем в церкви; близкую к ней легенду, напоминающую „Трех старцев“ Л. Толстого, сообщает между прочим князь Курбский — см. статью Г. З. Кунцевича в „Историко-литературном сборнике, посвященном В. И. Срезневскому“, Л., 1924, стр. 291—296). Враждебное отношение к церковникам проявляется иногда и в заговорах (так, напр., в заговоре для охраны скота, почти имеющем характер молитвы, скот оберегается от попа и попадьи, от дьякона и дьяконицы и т. д. и т. д.). Еще резче это враждебное отношение к церковникам проявляется в анекдотах и пословицах, где мы часто встречаемся с явно антипоповским и антицерковным материалом, причем материал этот определенно перекликается с аналогичным материалом западно-европейским (таков, напр., анекдот о крестьянине, приведшем к попу свою единственную корову после того, как он услышал проповедь на тему: „Господь за все воздаст десятирицею“).

О песнях бытового и лирического характера и для данного периода мы не можем сказать ничего достаточно определенного, хотя сомневаться в существовании их нет оснований. Существовал также и детский фольклор, в котором сохраняются иногда следы феодального периода („тиун“ и т. п.).

8

Характеристика фольклора крепостнического периода (XVII, XVIII, первая половина XIX вв.) может строиться еще увереннее: начиная с XVII в., мы имеем уже подлинные записи фольклорных произведений, в XVIII в. таких записей довольно много, а в XIX в. — очень много; документальный и литературный материал также становится богаче; самый характер фольклорных произведений ярко и определенно говорит (во многих случаях) о своем происхождении.

В господствующем дворянском классе за этот период фольклор, как живое явление, живущее самостоятельной жизнью, в сущности умирает: заговорами, обрядовыми песнями не пользуются как средством улучшения жизни (мы не знаем, напр., типично дворянских заговоров, тогда как о боярских говорить можем; в свадебном обряде очень ярки следы бытования в царской и боярской среде, но не следы дворянские), в сказки не верят как в рассказы серьезного характера, дворянских былин не создают, и т. д. Конечно, такое умирание фольклора происходило не сразу и не равномерно: напр., еще при Петре I велись дела о колдовстве, Петра I оплакивали плакальщицы, но уже к концу XVIII в. картина иная. В XVII в. Котошихин описывает свадебные обряды в высшем кругу, в XVIII—XIX вв. свадьба в дворянском обществе справлялась уже иначе (на европейский лад). Само дворянство не было однородным, и, напр., в провинциальной среде долго могли сохраняться гаданья, святочные обряды и т. п. (вспомним, напр., Татьяну Пушкина), могли

сохраняться и приметы, и поверья, и заговоры (многочисленные указания дают, напр., сатирическая журналистика и комедия XVIII в.).

Но фольклор продолжает существовать в дворянской среде (в том числе в среде дворянской „интеллигенции“) в качестве средства украшения жизни. У дворян (вплоть до императриц в XVIII в.) имеются свои домашние сказочники и сказочницы (можно вспомнить, напр., няню Пушкина, или слепого старика-сказочника, купленного семьей Л. Толстого), создаются хоры из крепостных крестьян, исполняющие и песни фольклорного характера. В связи с этим отчасти стоит и собирание фольклорного материала (с XVIII в.) и использование его в литературе (многочисленные, „песни“ XVIII в.: Сумарокова, Нелединского-Мелецкого и пр.; в XIX в. можно отметить использование фольклорного материала и создание произведений, в тех или иных отношениях аналогичных фольклорным, у Жуковского, Дельвига, Пушкина, Гоголя, Ал. Толстого; другая линия представлена, напр., Рылеевым).

В буржуазной (купеческой) среде жизнь фольклора является еще более интенсивной; здесь несомненно продолжают бытовать и заговоры (есть, напр., заговоры для привлечения покупателей в лавку), и обрядовые произведения, и сказки. Об этом говорят нам и литературные данные (ср. „Бедность не порок“ Островского и особенно „В лесах“ и „На горах“ Мельникова-Печерского) и характер самого материала (напр., обилие „купеческих“ сказок с купеческими сыновьями в качестве героев, с характерными чертами купеческого быта и с типично купеческой направленностью).

В городской буржуазной и мелкобуржуазной среде идет также усвоение литературного материала и возникают новые произведения, более или менее близкие к литературным по типу и генетически связанные с литературой. Отсюда распространение так наз. лубочной литературы и, в частности, рукописных и печатных песенников; отсюда же и возникновение так наз. „мещанских романсов“, о которых мы можем говорить уже в XVIII в., в особенности же в первой половине XIX в.

Крестьянство в течение крепостнического периода в особенности оказывается той средой, в которой бытуют фольклорные произведения. В крестьянской среде продолжают существовать и трудовые песни, и заговоры, и обрядовая поэзия, и сказки и пр. В крестьянскую среду проникают теперь и такие произведения, как былины и исторические песни. Гонение на скоморохов в XVII в. заставило их бежать на окраины, и осевшие здесь скоморохи передали свой репертуар крестьянству и казачеству.

Господствовавший класс активно воздействовал на крестьянский фольклор. Отсюда, напр., распространение солдатских военных песен с восхвалением императоров и императриц (напр., „Плач по Петре I“, „Смерть Александра I“), генералов и полководцев (Румянцева, Суворова, Паскевича и пр.), с восхвалением самой солдатской службы и с проповедью верноподданнических монархических чувств (такова, напр., записанная Н. Е. Ончуковым песня о 14 декабря 1825 г. — „Печорские былины“, стр. 401, № 100). Подобные песни могли создаваться и распространяться разными выслужившимися унтер-офицерами, фельдфебелями и пр.

Результатом воздействия господствующего класса (через церковников) можно считать также распространение легенд и духовных стихов с проповедью смирения и терпения и с утверждением богоустановленности феодального порядка вещей (как, напр., в стихе „О Голубиной книге“, где дается характернейшее объяснение происхождения царей, бояр и крестьян от разных частей тела Адамова).

Влияние господствующего класса проявляется даже в такой области, как лирические любовные песни, существование которых в XVIII в. уже подтверждается наличием текстов в песенниках XVIII в. Здесь нередко встречаются образы, мотивы, детали быта, характерные для дворянской среды („немецкий веерок“ у девушки и т. п.).

9

Несомненно, как и раньше, крестьянство отнюдь не механически усваивало (и не только усваивало) то, что передавал ему господствующий класс. Идет переработка усваиваемого материала, возникают и совершенно новые произведения. Основная черта, которую мы можем отметить в крестьянском фольклоре этого периода, это — его антикрепостнический характер. Крестьянство боролось против закрепощения с оружием в руках; свое враждебное отношение к крепостному праву и ко всему крепостническому строю оно переносило и в свое творчество. Непосредственно антикрепостнических произведений у нас не так много, как можно было бы ожидать, но это вполне понятно: материал, которым мы располагаем, подвергался тройному отбору. Сами крестьяне не все передавали чуждым им собирателям (нередко дворянам), собиратели не все записывали, что слышали, и, наконец, цензура разрешала к печати не все, что было записано. И все же антикрепостнические материалы имеются.

Сюда относятся исторические песни и предания о Степане Разине и о Пугачеве, а также безыменные „разбойничьи“ песни, близко примыкающие к разинскому циклу. Совершенно ясно, напр., что песни, выражающие явную симпатию к Степану Разину, не могли складываться в господствующем классе или для него, и эти „исторические песни“ совершенно иного характера, чем исторические песни об Иване Грозном и подобные им. Далее мы имеем антикрепостнические песни бытового характера (какова, напр., песня о жизни дворовых: „Уж мы сядем, посадем“, и др.). Сюда же нужно отнести многочисленные антикрепостнические пословицы (начиная с такой, как „Вот тебе, бабушка, и Юрьев день“) и пословицы, направленные против чиновников крепостнического государства (воевод, подъячих, судей и пр.), далее довольно многочисленные антикрепостнические анекдоты (на тему „Барин и мужик“ в разнообразных вариациях) и антикрепостнические легенды (какова, напр., легенда „О двух великих грешниках“). В рекрутских причитаниях находит свое выражение подлинная тяжесть военной службы — в противоположность тем „военным“ песням, о которых шла речь выше.

Перерабатываются соответствующим образом и прежние произведения. Так, напр., Илья Муромец становится крестьянским сыном или старым казаком

и даже предводителем „голей кабацких“, в волшебных и новеллистических сказках героем выступает крестьянский сын, добивающийся счастья и торжествующий над всеми врагами и препятствиями; в этом находят выражение стремления крестьянства к улучшению своего положения. В целях улучшения тяжелого положения применяются также заговоры (характерен, напр., заговор „на подход к властям или на умиловивление судей“) и обрядовые песни, причем, напр., в похоронных причитаниях находит и прямое выражение враждебное отношение к крепостническому государству (таковы знаменитые причитания Ирины Федосовой).

Косвенно связаны с крепостничеством и семейно-бытовые песни, о существовании которых в крепостнический период мы можем говорить достаточно определенно: в этих песнях перед нами проходит преимущественно тяжелая участь женщины, насильно выдаваемой замуж, подвергающейся побоям, угнетаемой мужем. На этой основе вырастает и враждебное отношение к мужу, часто изображаемое и выражающееся в песнях (вплоть до убийства мужа женой).

Не следует, конечно, представлять крестьянство, а следовательно и крестьянский фольклор, совершенно однородным: дифференциация крестьянства началась уже в феодальную эпоху и все больше углублялась к концу ее. Антикрепостнический фольклор жил среди закрепощенного крестьянства и казацкой „голытьбы“, но не мог иметь особенного распространения, напр., среди северного крестьянства, не находившегося в крепостной зависимости от помещиков. Среди самого закрепощенного крестьянства богатая (в частности, торгующая) его часть была настроена менее воинственно и легче примирялась с господствующими классами, чем часть бедняцкая и середняцкая.

Отсюда такие явления, как оседание былин в среде северного крестьянства, как широкое распространение благочестивых легенд и духовных стихов, примиренческих пословиц („Господь терпел и нам велел“ и т. п.) и т. д. В частности, можно отметить старообрядческую поэзию, характерную именно для зажиточного торгующего крестьянства.

Наконец, уже с XVIII в. мы можем отметить существование песен рабочих, преимущественно рабочих кустарных и мануфактурных предприятий. Так, напр., песня „Близко, близко городочка“ известна уже по песеннику 1791 г.; к крепостническому еще периоду относится, конечно, и песня „Лет семнадцать мальчишка вздумал в Питере пожить“, в 1864 г. напечатанная в „Современнике“.

10

В капиталистический период (вторая половина XIX в. и начало XX в.) говорить о фольклоре господствующих классов (дворянства и крупной буржуазии) не приходится: если фольклор здесь и существует, то лишь в качестве „пережитка“ или развлечения и распространяется чисто книжным путем, не давая новых образований. В значительной степени фольклорные произведения становятся достоянием детской среды.

В угнетенном, лишенном возможности хозяйственного и культурного развития, крестьянстве продолжают существовать многочисленные фольклорные

произведения, сохранившиеся от прежних эпох. Частью они только сохраняются в качестве пережитков, нередко утратив свою прежнюю функцию (напр. обрядовые песни, былины), частью живут более интенсивною жизнью, являясь оружием в новой борьбе. Против многочисленных остатков крепостничества, против царских чиновников, против попов направлены многие пословицы, анекдоты и новеллистические сказки, песни и отчасти легенды. Особенно широкое распространение приобретает живая и гибкая частушка; можно думать, что частушки существовали и в более раннюю эпоху, но широкую популярность они получили именно в период промышленного капитализма и империализма в связи с обострением и более четким осознанием классовой борьбы (специально можно отметить, напр., частушки о Государственной Думе, о Столыпинском законе 9 ноября, об империалистической войне и т. д.). Нередко, однако, мотивы классовой борьбы затушеваны вследствие недостаточной четкости классового сознания крестьянства.

Сильнее, чем в крепостнический период проявляется дифференциация крестьянства. Отсюда, с одной стороны, возникновение и распространение произведений, враждебных кулачеству, деревенским богачам (таковы некоторые анекдоты, сказки, пословицы, частушки, легенды), с другой — фольклор кулацкого характера, выражающий стремление к обогащению любыми средствами и пренебрежительно относящийся к бедноте.

Укрепляется и развивается в период промышленного капитализма фольклор городской мелкой буржуазии („мещанства“), воздействующий и на фольклор крестьянский и на фольклор рабочих (в отсталой части рабочего класса). В этом отношении особенно характерно распространение „романсов“, преимущественно с уголовной и „жесткой“ тематикой, со своеобразно сентиментальным и романтическим оформлением. Отсюда же в значительной степени идет мода на переделки различных литературных произведений (стихотворных и прозаических).

Совершенно иной фольклор создает революционно-демократическая часть мелкобуржуазной интеллигенции. Здесь мы можем отметить, во-первых, использование крестьянского фольклора Некрасовым (в его послереформенной деятельности), отчасти Салтыковым-Щедриным, революционными народниками в их пропаганде (напр. Степняком-Кравчинским); особое место занимает Лев Толстой, в деятельности и, в частности, в „народных рассказах“ которого отражаются „сила и слабость крестьянского массового движения“. Во-вторых, следует подчеркнуть существование своеобразного революционного фольклора (напр. студенческих революционных песен); к сожалению, этот фольклор не собирался и не фиксировался в свое время сколько-нибудь полно, и наш материал в этом отношении далеко недостаточен. Кстати, можно упомянуть о существовании, напр., фольклора семинаристов и школьного фольклора.

Рабочий класс создает свой фольклор. Кроме прежних песен рабочих (отмеченных нами еще для крепостнической эпохи), возникают новые произведения, принадлежащие собственно промышленному пролетариату; таковы фабрично-заводские частушки, пословицы и т. п. Несомненно, существовали и фабрично-заводские песни (более сложного характера) и рассказы. Но эти произведения находились в полном пренебрежении у прежних собирателей

и исследователей-фольклористов, и только теперь, по воспоминаниям старых рабочих, мы восстанавливаем существование подобного фольклора. Некоторый материал имеется все же и в прежних записях (напр., в статьях Д. Успенского и Белорецкого). Сюда же должны быть отнесены революционные песни рабочих (напр. периода революции 1905 г.).

Наконец, еще одно характерное для периода промышленного капитализма явление — фольклор люмпен-пролетарский. Сюда относятся произведения уголовных преступников, так называемый „блатной“ фольклор, характеризующийся уголовной тематикой и использованием своеобразного воровского жаргона.

11

Для периода пролетарской революции и социалистического строительства следует особенно подчеркнуть тот факт, что многочисленные виды фольклорных произведений, существовавшие в течение многих тысячелетий и пережиточно сохранившиеся до нашего времени, на наших глазах явно и бесповоротно умирают. То, чего не могли уничтожить ни столетия феодализма, ни капиталистическая формация, исчезает в качестве жизнеспособного явления в период построения социализма. Такова судьба заговоров, обрядовых песен, волшебных сказок (в живой устной традиции) и пр.; конечно, они еще продолжают существовать, они даже пытаются иногда приспособляться к современности, но все же умирание их не подлежит сомнению и составляет вопрос небольшого периода времени (это, конечно не мешает сохранению подобных произведений в книгах, как памятника прежней жизни и творчества).

Это — один из признаков того, что со вступлением в период строительства социализма предъистория человечества кончилась и начинается его история...

Второе характерное обстоятельство заключается в том, что стирается в значительной степени граница между фольклором и литературным творчеством, как таковым: с одной стороны, освобожденные Октябрьской революцией массы трудящихся приобщаются к культуре, к книге и широко усваивают литературный материал, переходящий в общее употребление (напр., „Проводы“ и др. произведения Демьяна Бедного, комсомольские песни, частушки из песенников и пр.), с другой — эти массы выдвигают множество своих авторов, в деятельности которых скрещиваются фольклор и литература, и фольклор вростает тем самым в литературу. Можно думать, что это стирание границ между фольклором и литературой пойдет и дальше.*

Но фольклор еще существует. И фольклор продолжает оставаться отражением и оружием классовой борьбы. Особенно охотно пользовался и пользуется фольклором классовый враг диктатуры пролетариата. Часто лишенные возможности выступать в открытом бою, враги пролетарской революции (в особенности кулачество) используют всевозможные средства идеологического воздействия, в том числе и фольклор. Отсюда, довольно широкое (зафиксированное собирателями) распространение кулацких антисоветских легенд, анекдотов, частушек.

Не изжита еще мелкобуржуазная и люмпен-пролетарская стихия в фольклоре, воздействовавшая на отсталые слои крестьянства и на новые кадры рабочего класса, пополняемые недавними выходцами из деревни. Живут в этой среде „мещанские романсы“, живет „блатной“ фольклор, и борьба с этими явлениями составляет одну из задач культурной революции. Специально можно отметить фольклор беспризорников, распространенный и в школьной детской среде.

Но существует уже и новый революционный фольклор — пролетарский и крестьянский (той части крестьянства, которая под руководством пролетариата строит новый мир).

Гражданская война создала свои героические сказания и песни (таковы, напр., песни партизан, рассказы рабочих о революции и т. п.). Культурная революция, новый быт, индустриализация, коллективизация деревни — все крупнейшие явления нашей эпохи нашли свое отражение и защиту, напр., в частушках. За последние годы собирателями отмечается широкое развитие частушек самокритического характера которые, конечно, нужно строго отличать от антисоветских; как и всегда, решается направленностью произведения: имеем ли мы перед собою произведение, стремящееся подорвать или укрепить диктатуру пролетариата.

12

Предшествующие замечания только вехи к истории фольклора и вместе с тем — программа работ для многих. Сто лет тому назад Белинский писал в „Литературных мечтаниях“: „У нас нет литературы; я повторяю это с восторгом, с наслаждением, ибо в сей истине вижу залог наших будущих успехов“. Перефразируя слова великого критика, я готов сказать: „У нас нет истории фольклора; я повторяю это с наслаждением, так как уверен в том, что она будет, и вижу, как много еще предстоит нам работы“.

Каковы основные задачи фольклористики, вытекающие из предложенной постановки вопроса?

Во-первых, необходимо тщательно собрать все сохранившиеся документальные данные (исторические документы, мемуары, упоминания в литературе, ранние записи), помогающие восстановлению хронологических дат в истории фольклора; эта работа до сих пор не выполнялась систематически, хотя отдельные указания известны.

Во-вторых, необходимо произвести внимательнейший анализ самого фольклорного материала, и это, конечно, — главная задача. Необходимо установить принципы такого анализа, с учетом и международного характера фольклора и его постоянной изменчивости. При этом пересмотре материала предложенные выше замечания могут явиться своего рода рабочей гипотезой, хотя бы до некоторой степени бросающей свет на общие перспективы развития фольклора.

В третьих, следует обратить особенное внимание на те белые места, которые существуют, так сказать, на карте фольклора. Таковы вопросы о бытовых и лирических песнях ранних периодов, о песнях рабочих в до-революционное время, о революционном фольклоре капиталистического периода.

В четвертых, следует поставить на более твердую почву вопрос о взаимоотношениях фольклора и литературы (в различных отношениях); изучение этого вопроса должно пролить свет и на историю самого фольклора.

В пятых, следует поставить ряд работ об аналогичных явлениях в фольклоре различных народов; в частности, для нас, фольклористов, особенно доступная и особенно благодарная задача — изучение фольклора многочисленных народностей нашего Союза. Это изучение опять-таки осветит многие темные пункты в истории фольклора.

Практически работа, вероятно, еще довольно долго будет вестись по отдельным жанрам: к этому толкает нас и материал (наши сборники дают материал или по местностям или по жанрам, но не по эпохам, да иначе и быть не могло), этого же требует и факт специализации самих работников, так как до сих пор эта специализация шла именно по линии жанров, а не по периодам (у нас есть специалисты по изучению былин, песен, сказок, заговоров и т. д.). Думаю, что этим принципиальная сущность вопроса не затрагивается: самые жанры мы должны изучать исторически и с определенной общей перспективой. И именно для того, чтобы наметить эту перспективу, написаны предыдущие страницы. Чтобы избежать схематизации, нужно вести углубленную конкретную работу на материале; чтобы не впасть в голый эмпиризм, необходимо освещать конкретно-эмпирические наблюдения светом общих положений. Мы имеем все же достаточно данных для того, чтобы эти общие положения могли быть установлены, и работа таким образом может вестись, так сказать, с двух концов.

Для целей журнала нет необходимости ставить педагогические вопросы. Хотелось бы, однако, высказать несколько соображений и по этому поводу. Я считаю возможным уже теперь курс фольклора строить именно в плане историческом. Методологически такая система изложения чрезвычайно отчетлива, методически она учит слушателей работать над фольклорным материалом с максимальной четкостью. Конкретного материала для построения курса более чем достаточно уже и теперь, а с дальнейшим развитием науки его будет все больше и больше.

Ленинград.
24 мая 1934 г.